

Силич Л.Е.

СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО СКВОЗЬ ПРИЗМУ АНТИУТОПИЙ.

XX век можно назвать веком антиутопий. Причины такого внимания к этому жанру заключаются в характере исторической реальности столетия. Оно нуждалось в антиутопиях, чтобы осознать самого себя.

В XX веке на смену закрытой вневременной утопии пришла ухрония, пространство которой – вся человеческая цивилизация. Страх потерять личность вытесняет заботу об изобилии и покое, а жажда самоутверждения оборачивается отношением к равенству, как злу.

Споры о жанровых особенностях утопии ведутся давно. В 80-е годы наметились три градации: утопия – идеально хорошее общество, дистопия – “идеально” плохое и антиутопия, находящаяся где-то посередине. Последние две разделить можно довольно условно. При желании в ряд антиутопий можно включить произведения М. Булгакова, А. и Б. Стругацких, Р. Бредбери, С. Лема, Дж. Балларда и др. Ряд исследователей относят к антиутопичным произведения Дж. Толкиена, К. Льюиса и др.

Иной раз кажется, что наш просвещенный век задался целью отыскать самый изощренный способ самоубийства. Еще полвека назад к разряду нелепых вымыслов отнесли бы сообщения о дефиците чистого воздуха, воды, глобальном истощении ресурсов земли и ее плодородия. Но уже в конце XX века часть кризисного сознания, теории катастрофизма в XX веке составляет футурошок – страх перед будущим.

Антиутопии XX века, в отличие от утопий, родились не из теоретических размышлений о вероятном будущем. Читая эти книги, мы думаем не о грядущем тысячелетии, но о том, что тревожит нас самих. Мы узнаем в этих книгах собственный опыт. Антиутопия - в этом ее истинное призвание – видит мир перед самой катастрофой, и человека она ставит перед нравственным выбором. Наученные горькими уроками реальной истории, утопии уже не предлагают проектов рационально организованного общества. Ее сфера теперь – частное бытие личности, нечто сокровенное и индивидуальное. Часто думают, что антиутопия по своему существу полемична в отношении классических утопий минувшего.

Утопия, некогда подробно описывавшая ход и политическое устройство нового мира, сосредоточилась на программах психологического раскрепощения, а в антиутопии восторженная интонация, с которой прежние островитяне демонстрировали путешественнику свои достижения, сменилась ожесточенным иррациональным антиутопизмом – ненавистью к сытой, спокойной, надежной жизни.

В преддверии 1984 года – года, который с легкой руки Дж. Хаксли долгое время фигурировал как роковая дата в судьбе мира, – лавина мрачных пророчеств обрушилась на страницы научных изданий и печати.

В конце 80-х журнал “Севайв” /выжить/ начал пропаганду средств защиты для выживания в условиях глобальной катастрофы.¹ Многочисленные миссии и проповедники указывают свой путь спасения человечества. С 80-х годов организуются общества “нового мира”, ставящие перед собой цель – возвращение человеческой организации к природе.

Середина XX века - время переосмысления понятия прогресса. Индустриальное общество, представлявшееся в начале века эпохой благоденствия, обернулось через 50 лет угрозой глобальных катастроф.

Когда-то знание считалось верховным благом, истина – высшей ценностью, все остальное – второстепенным. Взгляды начали меняться – упор с истины и красоты переместился на счастье и удобство. Такого сдвига требовали интересы массового производства. Всеобщее счастье способно безостановочно двигать машины, истина же и красота – не способны.

Классические антиутопии 30-х годов (Е. Замятин, Дж. Оруэлл, О. Хаксли) - не пророчества глобальных катастроф, каковыми является социальная фантастика 70-90-х. Главный их сюжет составляет конфликт личности и тоталитарной системы. Родившись в период расцвета фашизма и культа личности, антиутопии актуальны и в современном “демократическом” мире.

Общая схема антиутопий такова. Идеальное государство будущего во главе с безликим Великим благодетелем (Старшим Братом) достигло всеобщего поголовного счастья. Аппарат принуждения и контроля существует в виде немногочисленных министерств и ведомств - Министерство любви ведает войной, Министерство правды производит низкопробные газеты, не содержащие ничего, кроме спорта, уголовной хроники и астрологии, забористых пятицентовых повестушек, скабрёзных фильмов, чувствительных песенок, сочиняемых чисто механическим способом. Спустя полвека продукция массовой культуры (телевидение, кино, пресса) переняла эту технологию производства “шедевров”. Всего лишь за одну неделю марта на различных телеканалах Украины и Крыма прошло около десятка “маньячных” триллеров – “Убийственное воскресенье”, “Смертельный грех”, “Семь”, “Змеиный источник” и др. Их сюжет повторялся даже в деталях.

Главный герой антиутопии (Д-503, Дикарь, Уинстон Смит) проходит путь от повиновения и подчинения через сомнения и искания - к отречению от “дивного мира” и, подвергшись эмоциональной, духовной ломке, совершает обратный путь - к беспрекословному принятию всех “истин”. Этот, на первый взгляд, пессимистический финал и несёт функцию предупреждения. Человек как личность не растворился в единомыслии, единочувствии, взаимопользовании и прочих непререкаемых установлениях самого прогрессивного из всех прогрессивных обществ, но не смог, однако, освободиться от его принципов. И остался его пленником. Эта вот драма будет постоянно повторяться в антиутопии, становясь стержнем повествования. Фантазия авторов антиутопий затронула конфликт, к которому еще долго будут возвращаться философы, социологи, писатели. До тех пор, пока не будет найдено решение труднейшей проблемы – поиск такого социального устройства, которое исключает подавление личности во имя неких высших начал целесообразности.

Герой Хаксли требует для людей право на несчастье. Герой Замятина мечтает содрать с людей цивилизацию

и выгнать голыми в леса. Свобода, пусть даже вместе с голодом, болезнью, страхом, оказалась лучше, чем пресная скука одинакового для всех, принудительного счастья.

И Замятин и Хаксли перенесли действие своих романов на 600 лет вперед. В романе Замятина в 26 веке жители Утопии настолько утратили свою индивидуальность, что различаются по номерам, живут в стеклянных домах для удобства контроля, питаются искусственной пищей и в часы отдыха маршируют по 4 в ряд под звуки гимна Единого Государства. Члены партии с рождения до смерти живут на глазах у полиции мыслей. Руководящий принцип государства - счастье и свобода несовместимы. Человек должен отказаться от последнего, если хочет достичь первого.

Партийный лидер, Старший Брат у Оруэлла, служит фокусом для любви, страха и почитания – чувств, которые легче обратить на отдельное лицо, чем на организацию.

У Хаксли проблема “человеческой природы” частично решена, ибо считается, что с помощью дородового лечения, наркотиков, гипнотического внушения развитию человеческого организма можно придать любую желаемую форму. В питомнике “дивного нового мира” готовили будущего потребителя. Ему прокручивали фразу, которую он запоминал и привыкал действовать согласно ей – “Я так люблю все новое”. Это воспитание создавало условный рефлекс при прослушивании рекламы нового изделия. Индустриальная цивилизация возможна лишь тогда, когда люди не отрекаются от своих желаний, а напротив, потворствуют им в самой высшей степени, какую только допускают гигиена и экономика. В самой высшей, иначе остановится машина. Рекламный поток на ТВ, радио, в прессе приводит к мысли, что мы также являемся невольными участниками подобного эксперимента.

Детей обучали ненавидеть книги и цветы. Когда дети тянулись к ним – получали электрический заряд. Библиотека содержит только справочную литературу. Развлекаться молодежь может в осязательных кинозалах. Книжная культура заменяется визуальной. Реклама нового фильма выглядит следующим образом – “Три недели в вертоплане”, суперпоющий, синтетико-речевой, цветной, стереоскопический осязательный фильм с синхронным органо-запаховым сопровождением. Зритель становится непосредственным участником событий, происходящих на экране, с помощью воздействия на нервные окончания ладоней.

Производственный принцип наконец-то применен к биологии – из одной гаметы и одного яйца можно вырастить 96 человек с заданными качествами. С равным успехом можно сформировать представителя элиты или стада. Психолог-контролер сортирует младенцев, чтобы навеки определить место каждого в схеме.

Во всех коридорах государственных заведений находятся “гнезда памяти”, с помощью которых воплощается в жизнь партийный лозунг “кто управляет прошлым, тот управляет настоящим, кто управляет настоящим, тот управляет прошлым”. Документ, попадающий в “гнездо”, уничтожается, а с ним – события и люди, о которых он повествовал. Дополнительным средством фальсификации истории является версификатор – аппарат, выдающий множество вариантов события, из которых контролеры выбирали наиболее выгодный партии. Уинстон Смит сетовал, что при таком положении дел потомки никогда не узнают правды о прошлом.

Муки творчества и вдохновение в “дивном мире” - всего лишь неизвестная форма эпилепсии, болезнь, как и фантазия, которую следует вырезать, чтобы не заразиться неизлечимой болезнью - душой.

Продукция массовой культуры “дивного мира” делается механически - музыкометр выдает до 3 сонат в час, таким же способом производятся фильмы-осязальки. Не зря одновременно с антиутопиями в начале XX в. получила развитие концепция массовой культуры, как часть теории массового общества.

Главный герой Оруэлла мечтает о жизни, в которой можно было бы избавиться от общения с людьми. Возможно, в будущем, говорит он, когда техника достигнет совершенства, желающие будут жить в затворничестве, окруженные тактичным вниманием безмолвных и приятных машин, не боясь человеческого вторжения. Сегодня люди в поисках удовольствий собираются в толпы и создают массы шума, в будущем естественным станет стремление к уединению и тишине.² Интернет сделал возможной эту мечту, но плоды электронной революции провоцируют развитие эскейпизма, ухода в выдуманную, более совершенную и интересную реальность - компьютерные игры, развлекательные сайты.

В мире антиутопий человеку предлагали простые и не представляющие угрозы обществу развлечения. Человек “дивного мира” глотал сому и погружался в приятное наркотическое состояние, и это не только разрешалось государством, но и поощрялось, даже требовалось от своих граждан. “Сома” - это христианство без слез, в нашем мире массовой культуры приняла вид сериалов. Средняя величина эфирного времени, отводимого телеканалами Украины и Крыма под сериалы - 10,9%. Наиболее высокий показатель на канале “1+1” - до 19,2%, наименьший на ГТРК Крым - 5%.

Влияние массовой культуры может быть не столь очевидно, но несомненно. Так, уже 20% юношей и девушек не считают чтение достойным занятием. Музеи и театры посещают 3-4% молодых людей. При этом наблюдается довольно тревожный симптом увеличения в структуре свободного времени у все большего количества молодых людей пассивно-созерцательных способов времяпровождения - просмотр ТВ и видеofilьмов.³

С развитием телевизионной техники, когда стало возможным вести прием и передачу одним аппаратом, частной жизни пришел конец. Впервые появилась возможность добиться не только полного подчинения воле государства, но и полного единства мнений по всем вопросам. Вызывающая такую гордость в сердцах либералов свобода слова в современном мире – всего лишь свобода услышать уже тщательно отобранную и отредактированную информацию.

Хаксли указывал на издержки образования, как на одну из причин современного состояния общества, –

когда в жизньходишь с готовыми представлениями, имеешь какую-то философию, пытаешься подогнать под нее жизнь. Правильнее было бы сделать наоборот. Сначала пожить, а потом подогнать свою философию под жизнь.⁴

Роман Оруэлла “1984” современники восприняли как оскорбление, усмотрев в идеальном обществе будущего пасквиль на современное ему английское общество. Так, камера пыток “101” носила тот же номер, что и рабочий кабинет Оруэлла на радиостанции “Би-би-си”, джин “Победа”, который заставляли пить граждан идеального государства, на самом деле был популярен после войны. Сам автор называл свой роман предупреждением, а не пророчеством. Он не хотел изобразить и советское общество, утверждая, что тоталитарная идея живет в сознании интеллектуалов везде. Поэтому он и поместил действие не в Россию, не куда бы то ни было, а в Лондон.

Прочно вошли в нашу лексику и оригинальные слова и фразы из романа Оруэлла - мыслепреступление, Старший брат, двоемыслие, новояз, “война это мир”. 1984 год ЮНЕСКО объявило годом Оруэлла.

Роман “О дивный новый мир” Хаксли был воспринят, главным образом, как сатира, имеющая совершенно конкретный адрес. Считалось, что автор высмеял самонадеянную претензию верующих в близость земного рая, обеспеченного интенсивным развитием производства на фордовских началах. Но впоследствии проявился более глубокий смысл – тревога, вызванная бездуховностью и стандартизацией, в которых писатель опознал не мимолетное поветрие, а знамение века. Спустя несколько десятилетий основательно забытую книгу вспомнили, назвав сбывшимся пророчеством.

В XX в. темпы жизни ускоряются. Время не тратится впустую. Книги уменьшаются в объеме, экранизации, имеющие отдаленное сходство с оригиналом, претендуют на звание “шедевра”. Основной принцип массовой культуры: произведения должны быть красивыми, а не хорошими. Жажда драматизации человеческого существования находит выход в убийствах, сексе, насилии на экране телевизоров и на страницах газет. Мы представляем собой “одинокую толпу” Рисмена - общество похожих друг на друга людей, которые потеряли ценность человеческого общения.

Сквозь века к нам приходит легенда о Химере. В древнегреческой мифологии Химера – порождение Тифона, стоголового огнедышащего чудовища, и Ехидны – полуженщины-полузмеи. Химера – невиданная тварь с львиной пастью, козлиным телом и хвостом змеи. Сказочные чудовища – такой же старый “пунктик” человека, как и мысли алхимиков о получении золота из других веществ. Но парадокс нашего времени состоит в том, что все явное и неявное в наших мыслях становится возможным и претворяемым в плоть и кровь.

Общество нового мира, описанное в антиутопиях, не совпадает в деталях с современным, да этого и не требуется для того, чтобы считать их пророчествами или предупреждениями. Ведь, по мнению Оруэлла, все пророчества интересны главным образом тем, что они проливают свет на эпоху, в которую они родились.⁵ Наши представления о будущем выражают современные страхи и надежды. Главный герой “1984” обращается к “будущему или прошлому – времени, когда мысль свободна, люди отличаются друг от друга и живут не в одиночку, времени, где правда есть правда, и бывшее не превращается в небыль от эпохи одиноких, от эпохи Старшего Брата, от эпохи двоемыслия”, чтобы поведать правду о своем времени.⁶

¹ Семченко А. Современный апокалипсис: критики идеологии катастрофизма. – М.: Политиздат, 1989. – С.25.

² Хаксли О. Желтый Кром. – М., 1987. – С.173.

³ Молодежь Крыма: проблемы развития. – Симферополь., 1998. – С.21-22.

⁴ Хаксли О. Указ. соч. – С.134.

⁵ Оруэлл Жд. “1984” и эссе разных лет. – М.: Прогресс, 1989. – С.146.

⁶ Там же. – С.25